

Елена Жарикова

Печкины сказки

Елена Владимировна Жарикова

Печкины сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72127546

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник сказок для детей 8 – 12 лет. «Печкины сказки» объединены образом традиционной деревенской русской печи, которая, как известно, была сердцем крестьянской избы. В сказках оживают традиции, обряды, поверья, связанные с русской печкой. Персонажи сказки (сквозные, переходят из сказки в сказку) переживают разнообразные события и происшествия, при этом основные мотивы сюжета – спасение, взаимопомощь, избавление от напасти, единение в добре и радости. Художественное пространство книги отражает традиции народного и православного календаря – благодаря «Печкиным сказкам» юный читатель узнает о том, как праздновались Рождество и Благовещение, Покров и Масленица. Кроме того, сказки дают возможность окунуться в стихию народного языка – в повествовании звучат русские пословицы, поговорки, прибаутки, присловья, заклички, оживают устаревшие и забытые слова – шесток, загнетка, ухват, полати, выюшка. К сказкам прилагается небольшой словарь.

Елена Жарикова

Печкины сказки

Печкины сказки

*В доме бабушки моей
Печка русская – медведицей.
С ярко-красною душой,
Помогает людям жить –
Хлебы печь, да щи варить,
Да за печкой и на печке
Сказки милые таить.*

Ксения Некрасова

Сказка первая

Друг сердечный – таракан запечный

Как-то морозным вечером, под самое Рождество, когда покров в сиянии ранней звезды перламутрово светился и снежок под валенком поскрипывал, что твоя капуста квашена, когда дым из трубы печной высоко подымался, аж к самой луне, когда в избе все дышало чистотой и заботой праздника – свалился с печки таракан. Упал, зашиб плечико, заохал, пополз, ковыляя, в свою щель под старым комодом.

– Ох, тошно мне, горемычному-калечному, и житьё моё никудышное!

– Ишь, занудел, заканючил, да у кого ж оно лучше? – от-

кликнулась из угла старая Метла, что весь день мела-убирала, пылью дышала, насмерть устала.

– И то верно, всем житье скверно! Уж как всё мыли, а про меня забыли, – забренчал обиженно старый Умывальник.

– А вот мне любопытно, кругом чистота-лепота, а откель взялся это пережиток прошлого? – завелась Метла.

– Про то только Печка-матушка ведает. Она тут старше всех, она главная, ее и спросим, – брякнул носиком Умывальник.

– Матушка-печка, молви словечко! – попросил Сверчок-немолчок, золотой смычок.

Печь мигнула угольком, глубоко вздохнула, пыхнула жаром да запахом щей, что томились в загнетке, и повела свои речи.

– Было то, аль не было, родимые, – Бог весть. Жили мы тогда скудно-бедно: чего не хватись, за всем в люди катись. По щелям тараканы усатые, в чугунах шти небогатые. О-х-х! – Печка перевела дух. – На печи бабка глуха, у порога собачка стара. Дедок на лавке ворчит, да Танюшка-сиротка песню в уголку мурлычет.

Вот так же перед праздником весь день хлопотали, устали, притомились да рано спать свалились. Чаяли, что к первой звезде встанут, да куда там – сопят, не ворочаются. А во мне жару еще осталось – чуть да маленько. Не углядела я, старая, как один бедовый уголек возьми и прыгни с пода на шесток да с него на пол. А там соломенная лошадка лежала –

Танюшка играла да оставила. На самый хвостик малый жарок и попал, огонек взнялся да дальше – по сухому веничку, по чисту половичку пополз. А все спят, беды не чувят. Тем же временем над самыми полатами из щели выполз Таракашечка малой. Усиками пошевелил – горячо дело, пропадут все, и он заодно. И хоть дрожал-боялся, да решился Таракашечка на крайнее. Танюшка на полатах спала, веснушки на носу да пшеничны косички, дышала сладко так, тихо. Ну вот Таракашка лапочки сложил, оторвался со стены и прямо ей на нос угодил. Она чихнула – да проснулась. Глядь – ещё чуток и сгорели бы! Побудила всех – затушили огонь.

Так Тараканишко запечный всех спас. Эту заслугу ему помнили и сильно не притесняли с тех пор.

Сказка вторая

Сверчок-немолчок, золотой смычок

Вздыхнула Печка, так что облачко пепельное взнялось и растаяло в вечерней тишине, и повела новую сказку.

– Пришла деду Анисиму пора помирать. А все в поле, страда. Один лежит на печи, охает, угольки считает – сколь жить осталось. Мало выходит.

Откель ни возьмись – Сверчок-немолчок, золотой смычок.

– Ты чего, дедушка, никак Богу душу отдать собираешься?

– К тому, верно, идет. И то, пожил малость. Девяносто

годов мне, пора и честь знать.

–Как же мы без тебя? Кто Танюшке валенки подошьет, лапотки сплетет да сказку скажет?

–Ой, родимой, помрешь – все найдутся: и сказочники, и лапотники.

–Да ведь ты, дедушка, моего золотого смычка не слыхал, верно?

– Век живу – всё слыхал, и твой скрип запечный тоже.

– Э-э, нет, золотой смычок мне совсем недавно полевая мышь подарила, и звук его волшебный больных да опечаленных на ноги ставит.

– Смычок-то твой, небось, соломинка сухая с поля? – вздохнул дед.

–А ты не сомневайся во мне, а послушай.

– Ну играй, божья козявочка. Помирать, так с музыкой.

Сверчок-немолчок – прыг на шесток, золотой смычок поднял тонкой лапкой и заиграл. И слышится деду: то ли колосья золотые звенят от ветру, то ли лучи закатные в колокольчиках запутались и колышут их, то ль малиновка крылышками зарю расплескала – и растеклась алая заря дивной музыкой. И чует дедушка: музыка эта словно бы по жилам его потекла, наполнила их теплой силой, обняла за плечи – и золотым светом избу озарила. Приподнялся дед.

–А и вправду, музыка твоя как вода живая, – согласился дед со Сверчком и поклонился малой козявочке. А тот в усики улыбнулся и ответил:

– Да ведь смычок мой – соломинка полевая, ветер в ней звучит вольный, и колокольчики звончатые, и тихий сон зари отзывается.

Покачал дед кудлатой головой:

– Так, стало быть, проживем еще! – и пошел по воду.

Сказка третья
Танюшка на острове.

Танюшка в речке с мостков бельишко полоскала, наклонилась низко и – кувырк! – в речку упала. А взрослых рядом не было, чтобы помочь.

Течение у речки скорое, подхватило Танюшку и понесло. А она не пугается, уцепилась за досочку легкую и поверху ее несет, как на плоту. Быстро несет, к берегу не управить, надо на помощь звать.

Голосок у Танюшки слабенькой, далеко не слышать. Отчаялась малая, не знает, как выбраться. И вынесло ее к острову зеленому безлюдному. Уцепилась она за прибрежный тальник, подтянулась, пригребла к берегу. Выползла Танюшка мокрешенька. Надо сушиться, костер разводить.

Глядь – с камышей стрекозы большие, глазастые к ней летят:

– Горемычная, чем помочь?

Так и так, говорит.

Только ветерок подняли вихревой крыльницами – и исчезли, как не было.

Стала Танюшка сухие травинки, веточки собирать для костра, бересты с березок прибрежных сняла – а огня нет.

Вдруг – вихрем – туча стрекозья! И несут чего-то, малой горшочек с петелькой подцепили лапками – и несут. Тихонечко спустили его на землю – а в горшочке том уголек алый с печки. Обрадовалась Танюшка, разожгла костер и обсушилась.

Повеселела она, да вот как выбраться с острова и до дому

добраться – далеко унесло ее течением.

Тут из-под корня камышового мышь вышмыгнула.

– А ты в ямку угольков из костерка положи да водицы туда плесни – такой дым большой кверху подымется – тебя по дыму враз найдут! Видит девочка – мышь дело говорит. Всё так и сделала. Поднялся дым столбом к чистому небу, понесло дым в сторону родимого дома, увидел дымок дедушка Анисим – поехал ведь на телеге Танюшку искать-вызволять.

Видит: стоит, горемычная, на острове и веткой ивовой ему машет. Дед на что старой, а сметливой: подрубил березу длинную береговую да мостик к Танюшке и перекинул. Та по нем и перебралась к спасителю. Только стрекозы ее и видели! Скоро уж дома была, простоквашу ела да родным о своем злключении рассказывала.

А Матушка-Печка всё слушала да вздыхала.

Сказка четвертая.

Как Танюшка и Сверчок-немолчок щи варили

Раным-ранешенько вставала Танюшка, как родна матушка прежде учила. Пшеничны косички расплетет, расчешет, опять в косу их, под платочек уберет да мать вспомянет: «Моя ли ты родимая, свеча неугасимая: горела – да растаяла, любила – да оставила». С тем словом уже по избе и хлопочет – да так, словно руки матушкины тут – помогают ей. Обронит ли чашку (сон ведь еще в одном глазу маячит, уходить не хочет), глядишь – чашка-то целая, словно кто ее у полу рукою поймал. Споткнется ли о веничек – а тут ее кто-то под

локоток мяконько так и удержит.

Нечего делать – пришлось Танюшке всему после успенья матушки у Печки учиться. Та бела-добра никогда не спит, дом бережет, разве что глубокой ночью задремлет. А всё отдает тепло своё, даже если последний уголёк в ней погас.

Дед с бабкой за хворостом в недалний лесок ушли, а Танюшка уже своё проворит: капустки квашеной из подпола, из кадушки кленовой, достала, ключевой водой промыла, дабы лишнюю кислинку снять и малость сахаром окропила – тоже, чтоб скулу набок от кислоты не воротило.

Пост ведь – шти без убоины, значит, надо сыту набирать грибами сушеными да капустным уваром. Коренья с грибами отваривать, капустку с лучком упаривать. Танюшка ко-су луковую сняла со стены в чулане, выбрала сухую золотую луковицу. Так-то.

Полезла малая в погреб за репой да за картошкой – а там из тьмы погребной кто-то неведомый горящими глазами глядит, не перемигнет. Струхнула Танюшка – да вон наверх подалась. Отдышалась от страху, а что делать – как овощи-коренья доставать? Дома никого, только Метла ворчливая да Умывальник бренчливый, а из тех, кто поживее – Таракашечка малой да Сверчок-немолчок, золотой смычок.

– Сверчушка-братушка, ты тут?

Вылез Сверчок-немолчок из-за печки, смычок оправил:

– Звала, Танюшка?

– Братушка Сверчок, там в подполе кто-то страшный си-

дит, глаза огнём горят.

– Испужалась, родимая? Не иначе домовой-соседко дает о себе знать, голоден, вот и зыркает. А так он ничего, смирнай.

– Чем же покормить его, чтобы он не таращил глазюки-то?

– Да вот щец-то сваришь – и поставь ему в плошке. Уж он в полное довольство придёт.

– А коли не угожу?

– Стараться будем.

Вот и стал Сверчок-немолчок помогать Танюшке: то золоты одёжи с лука снимает, а то сушёны грибы замачивает. Упарились оба: хлопотно дело. Однако ж и матушка-Печка пособляет: квашеную капустку порубленную с морковью и репой тушит-томит, корни с грибами отваривает... Щаной дух-то по избе поплыл да густеть стал – хоть ложкой его ешь.

– Готово ли? – Сверчок спрашивает.

– Пушай ещё потомится, густей да наваристей станет...

Уже и бабка стара и дедушка Анисим вернулись, дровишек лесных да хворосту воз привезли, зашли в избу – не надивятся: какие щи духовитые удались! Однако тож не хотят домового-соседку обидеть – ему первому плошку налили: угостись, чуда неведома! Плошечку в погреб спустили, поставили.

Наутро проверили – чиста плошка-то! Угодили-таки домовому-соседушке! Больше он их понапрасну не тревожил: так только, погудит в трубе зимним временем, порой веничек уронит, мышей под полом всполошит...

А ежели опять глазья горящие в темноте покажет — так
разуважат его как-нито, свой ведь.

Сказка пятая

Как Белый лось всех от снежного плена спас

Танюшка-егоза на Маслену неделю так с гор укаталась,
что к вечеру квёлая стала, сидит на лавке и в бабкин платок
кутается.

Сверчок-немолчок тотчас из щели выглянул: «Никак хво-
рать вздумала, сердешная?» Бабка Анисья захлопотала, по-

рушку собрала: сухой малины с липовым медом кипяточком залила, настояла и пить Танюшке дала. Потом малую на печь отправила да строго наказала: пятки в шерстяных носках прижимать к горячим кирпичам, сколь терпенья будет. Тогда хворь как рукой сымет.

И слышит сквозь жаркую дрёму Танюшка: то ли котейко в подпечке мурлычет, то ли Печка-матушка новую сказку говорит.

– Проснулись мы как-то зимним временем, а во двор никак – двери открыть не можем, замело напрочь. Толкнули раз и другой – нет, никак не подается дверь, крепко, видать, снегом припёрло. День да ночь снежило, а потом выюжило – света белого не видать! В полночь глухо ухнуло что-то, ровно тяжесть кака рухнула – и утихло.

Дедко кумекать стал, как выбираться во двор. Поднялся в сенях по лесенке на чердак, к слуховому окну подобрался. Видит: ветром свалило березу старую у крыльца, она и выход перегородила. Да и снегу невпроворот. Поди ж ты, кака оказия!

Почесал дедко в затылке, ушанку покрепче нахлобучил, тулупчик плотнее подвязал... Да и ухнул сверху, через слуховое окно – прямо в снежное море, в сугровища! Отчаянный, а ведь годов много.

Утонул дедко в снежном море, забарахтался. Хоть и по самые брови снегу – к крыльцу подобрался. Пробует березу тягать – та ни с места, здоровущая. Пилить надо и сучья

рубить, тогда отодвинуть лесину можно. Отчаялся дед, присел на ствол поваленный передохнуть, глядь: через заборные колья, что едва из-под снега глядят, чуда белая перемахивает, тонкими ногами в снегу вязнет, а брюхом широким по сугробу скользит. Экое диво! Во всю жизнь дедко такого не видал: идет на него Белый лось огромной величины, бородой сугроба касается. Слышал он от деда своего, что водится чудной зверь в их лесу – снежно-белый лось, да сам в такое не верил. А Лосина тем временем по снегу словно проплыл – прямиком к деду! – главу могучую в ствол упер, толкнул – и отбросил ствол берёзовый на сажени три. Дедко старой и ахнуть не успел – как зверя и след простыл! Только позёмка снежная по сугробу закурилась.

Протёр дедко глаза, взял деревянный скребок и ну снег расчищать! Через малое время уже и двери в дом открыть получилось. Да только бабка деда просмеяла: «Какой еще такой Белый лось! Совсем заврался старой! Почудилось тебе!»

А дед с тех самых пор в лесу кормушки для лосей поставил – в благодарность, значит.

Сказка шестая.

Как Танюшка с бабушкой Анисьей травы целебные собирали.

– Бабадя, когда уже травы собирать пойдём? – Танюшка бабушку за подол который день теребит.

– Вот погоди, дожди пройдут, ведро станет, созреют травушки, в самый сок войдут – тогда и пойдём. Ты ж моя по-

мога главная! Годи еще пару дней.

И правда – через пару деньков землю высушило, ночью вывездило, так ясно и хорошо стало. Бабка Анисья две корзины из кладовой достала, малую Танюшке дала.

– Ручонки-то вымой, платок чистой надень и лапоточки покрепше – весь день ходить будем. Матушке-Печке поклонись перед тем, как порог переступить, она нас благословит, чтобы каждая собранная травка впрок пошла, целебную силу явила.

Танюшка всё как следует сделала.

Идут они лесной тропинкой, бабка на любимое место правится, там у неё в глубине леса поляна-деляна любимая, заветное место, где травы, значит, берет.

Идут-приближаются, как вдруг Танюшка говорит:

– Чёй-то, бабань, гарью больно тянет. Как с горелого места.

Бабка разок-другой шагнула, густоту кустовую раскинула:

– Ахти, леший тя в бок куси! Палестинку-то мою травяную пожег кто-то!

Вышли на полянку заветную, а она вся черным-черненька, погорела вся. Посередь поляны остов обгорелый могучего древа.

– Бабань, то не люди, это в грозу дерево молоньей зажгло, вот вся полянка и погорела. На что кручинишься, разве трав мало кругом – еще найдём-соберём.

Бабка головой качает, но соглашается. Вышли к речке.

Вдоль по бережку иван-чай веселыми всполохами играет. Собрали старая да малая листья и соцветия. Отдохнуть при-сели на поваленное дерево, глядь – душица там и сям сиреневыми цветочками блазнится.

Там донника пучок навязали, зверобой не забыли, пижму тож уважили и шишечек можжевельника собрали.

Полны корзинки домой приволокли. Печка-матушка довольна: теперь по избе такой травный дух пойдет: какие травы на чердаке развешат, там сквозняку больше, какие-то плоды на поду, в малом жару сушить станут. По всей избе волны запахов поплывут.

Бабка вечером, когда печь выдыхала натопленное тепло, под подмела-вычистила, решёта частые на под постелила и травы-ягоды туда ровным слоем рассыпала. Иные травки пучками на веревке развесила близ печи, а большой сбор на чердак, там всегда сухо и сквозняк, самое то для сушки. Танюшка только глаза прикрыла – и чует, какой дивный дух – колыбельный, многотравный – полнит дом, голову дурманит: чабрец, и мята, и душица, и пижма медовая – словно лес целебной силой дохнул в избу да и остался здесь.

А Матушка-печка, вдыхая лесные травы, новые сказки придумывала.

Сказка седьмая.

Как дедко старой за грибами ходил

Пошел дед Анисим с утра по грибы – и пропал. Должён был к обеду явиться, а его и к вечеру нет. Уже и сумерки на кусты пали, и солнышко погасло за синей горой – нет деда.

Переполошились-спохватились, растревожились все домашние: Печка-матушка охает, бабка Анисья горючие проливает, Танюшка слёзки роняет... Не бывало такого, чтобы дед днями где-то пропадал, тем более грибы-то – вот они, полшага от порога: лисички хитрющие в траве перемигиваются, боровик гордо маячит, сыроежка весёлая в лукошко

просится. И, словно как на ярмарке, мухоморы голоногие безбоязненно торчат скоморошьими шляпами – не берёт их никто, вот и развелось шутов гороховых!

Аукали-звали дедку до самой потеми, окрестный лес обошли, излазили – нету родимого. Уже и осенняя ночь кусты заволокла, и дождь-скороход по листьям зашлепал, не проглядь – где искать?

Старуха совсем пригорюнилась, платок слезьми измочила. А Танюшка около Печки-матушки совет собрала. Сверчок-немолчок из-за печи вылез, Тараканишко усиками шевелит – соображает, Умывальник носиком брякнул:

– Ну, родимые, какие будут ваши соображения?

– Рассветет – тогда и пойдем искать! – отозвалась Метла из своего угла.

– Ему ж тоже ночью и страшно, и холодно, – охнула Печка.

– Сверчушка-братушка, а нет ли у тебя в друзьях проводника какого – чтобы лес знал?

Сверчок-немолчок почистил смычок, так и сяк покумекал...

– Есть! Есть у меня народец такой, что хоть ночью сырой и в непогодь в лесу дорогу знают.

– Кто ж такие?

– Тетушка Сова, пестра голова, да кумовья-светляки, расторопные смельчаки!

– Оно конечно, добрая рать, но и мои угольки горящие с собой возьмите, фонарь керосиновый да пирогов подовых не

забудьте: дедко-то голодный плутает, – прибавила Печка-матушка.

Тотчас снарядились на поиски: в мешок заплечный пирогов с капустой положили и угольков из печи не забыли, в малый горшочек прямо из печи накидали, и старый керосиновый фонарь тож взяли. Танюшка в теплый бабкин платок закуталась.

Бабка на печи от усталости и печали уснула, ее будить не стали, конечно, так оставили – дом беречь. Умывальник, понятно дело, тож дома остался, и Таракашечка малой – само собой, а вот Метла на какой-то грех увязалась. И пушай, не жалко!

Достал Сверчок-немолчок скрипочку, только заиграл, видит Танюшка: летит на них из темноты Тетушка сова, пестра голова, глаза жёлтым огнем горят.

– Ну, чего стряслось, Сверчушка? Ах, дедку искать? И светлякову рать на дело берем? Ну, в путь!

Так и отправились: впереди Сова, пёстра голова, жёлтыми глазами дозор ведет, круги охватывает, вслед ей – светлякова неисчислимая рать по кустам вспыхивает. Да так светло сделалось, что грибы в траве видно. А деда пока не найдут.

Совушка обернулась, маячит: стойте мол, чего скажу!

– Гляньте-ко на поляну! Никак ведьмины круги деда заблудили-запутали! Смотрят Танюшка и Сверчок на полянку, светляками и луной освещенную: батюшки, и вправду, диво дивное! На поляне широкими кругами бледные поганки сто-

ят, да такие здоровенные, издаля на приличные грибы смахивают.

Совушка на коряжку присела, крыла сложила. Умные глаза уставила на Танюшку, остерегает:

– Как увидишь таки круги – ходи мимо! Закружат они тебе головушку, заплутают тебя, забудешь, куда шла да откуда родным дымом пахнет. Видно, дедко ваш в такую ловушку попал. Покличь-ка его еще, может, рядом где. Танюшка звонкоголосая стала дедку выкликать. Слушает Сова, Сверчок-Немолчок наострил смычок, даже Метла, что весь путь ворчала, мол, насмерть устала, примолкла. И как будто отозвалось что, да глухо так, ровно из-под земли. Или показалось?

И тут светляки враз замигали, знать, чего-то углядели. Собрались в один светящийся круг, словно место указывают. Сова то место облетела и видит: яма лесная – верно, давно уже охотники на крупного зверя вырыли да забыли. Поверху сеном-травой та яма прикрыта, тонкими берёзками палыми, враз и не разглядишь: ну, валежник всякий, хворост еще на ней лежит. Закружили ведьмины круги дедку, вот он в ту яму и угодил!

Танюшка подобралась к краю, фонарь поставила, глядь: дедуля в яме кряхтит-охаёт, живёхонькой, только глаза от голоду и страху ввалились. Вот где Метла-ворчунья-то пригодилась: опустила Танюшка ее в яму, ухватился дед за метлу – тут она характер и явила! – только сор лесной столбом

из-под прутьев – вынесла деда наверх!

Так-то. Одна ведьмина сила деда с пути сбила, другая – вызволила!

Из угольков печных припасенных костер развели, деда обогрели, пирогов поели, сил набрались, а тут уже и рассвело.

Добрались до дому – бабка только охнула от счастья, из Печки-матушки щец да каши достала – деда потчевать стала да выведывать: где грибы-то, старый?

Сказка восьмая

Лоскутное одеялко

Бывает, у нас уже в ноябре зима ляжет, и такие морозы-ки завернут – хоть волком вой, носу не высунешь! Вот нынешней зимой такой оборот случился. Оно ведь как: дровишек березовых полну поленницу сложили, в подполе овощей всяк вкус заготовлен, в сенях да в кладовой травки сухие семена роняют, муки вон здоров короб стоит – значит, зиму выдюжат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.